

Лит.: Лидин В. О Данииле Андрееве // Андреев Д. Л. Ранью заревою: стихи. М., 1975; Грушецкий В. Поэт-вестник: О творчестве Даниила Андреева // Поэзия. М. 1989. № 53. С. 148–155; Грушецкий В. Мечты высокой вольный пленник... // Андреев Д. Железная мистерия: поэма. М., 1990; Новиков В. Мудрость веселой игры // Андреев Д., Парин В. В., Раков Л. Л. Новейший Плутарх. М., 1991. С. 3–11; Парина Н. [Вместо послесл.] // Там же. С. 293–303; Грушецкий В. Человек синей эпохи // Андреев Д. Роза Мира. М., 1991. С. 283–286; Андреева А. Жизнь Даниила Андреева, рассказанная его женой // Андреев Д. СС: в 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 5–26; Романов Б. Н. «Русские боги» Даниила Андреева // Андреев Д. СС: в 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 432–445; Андреева А. А. Роман «Странники ночи» // Андреев Д. СС: в 3 т. М., 1996. Т. 3. Кн. 2. С. 609–625; [Воспоминания об Андрееве Д. В. Л. Андреева, В. П. Митрофанова, И. В. Вогау, Т. И. Морозовой и др.] // Андреев Д. СС: в 3 т. М., 1996. Т. 3. Книга 2. С. 336–480; Парыгин В. Реабилитирован по-смертно (1920–1930 гг.). Брянск, 1994. С. 256–304; Павлова Г. Н. Трубчевские страницы биографии Д. Л. Андреева // Эстетика диссонансов: сб. трудов. Орел, 1996. С. 128–129; Дунаев М. М. Православие и русская лит-ра. Ч. 6. М., 2000. С. 649–703; Даниил Андреев в культуре XX века: сб. М., 2000; Игнатъева А. С. Д. Андреев в процессе обновления русского реализма XX века: автореферат дис. канд. филол. наук. Вологда, 2001.

Г. Н. Ионин

АНДРЕ́ЕВ Леонид Николаевич [9(21).8.1871, Орел — 12.9.1919, Нейвала, Финляндия] — прозаик, драматург, публицист.

Родился в семье землемера. С детских лет отличался страстным, неуравновешенным ха-

Л. Н. Андреев

рактером, выразившимся в резкой перемене настроений, склонности к экстравагантным поступкам и максималистском стремлении к самоутверждению. Лит. наклонности А. проявились уже в гимназические годы, когда он жадно читал произведения русских и зарубежных писателей и охотно писал сочинения за своих товарищей-одноклассников. Знакомство с философскими трудами немецких мыслителей А. Шопенгауэра и Э. Гартмана стимулировало в сознании А. становление трагического мирозерцания, в котором преобладало представление о мировой дисгармонии и героическом долге личности выстоять перед лицом жестокости существования. Большое значение для всей судьбы А. имело сформировавшееся в его душе с юности стремление к всемирной славе, вплоть до желаний в поисках этой славы потрясти сами основы человеческого бытия. Эта сжигающая А. страсть в какой-то степени предопределила впоследствии характер его творчества, заключавшийся в стремлении стать властителем дум читателей путем обращения к самым острым вопросам эпохи.

В 1891 А. стал студентом юридического ф-та Петербургского ун-та. В 1892 состоялся его лит. дебют — рассказ «**В холоде и золоте**». Студенческие годы А. были отмечены мучительным поиском себя, депрессиями, пьянством, любовными неудачами и разочарованиями. А. неоднократно покушался на самоубийство. Постепенно страсть к творчеству позволила А. преодолеть жизненный кризис, однако тяжелые нервные срывы преследовали его на протяжении всей жизни. После окончания юридического ф-та Московского ун-та, куда он перевелся из Петербурга, А. стал помощником присяжного поверенного (1897). К этому времени относится начало постоянной лит. работы А. Он становится сотрудником газ. «Курьер» сначала в качестве судебного репортера и фельетониста, а потом и заведующего беллетристическим отделом. Опубликованный в «Курьере» «пасхальный» рассказ «**Баргамот и Гараська**» (1898) привлек внимание М. Горького. В многолетней обоюдной привязанности А. и Горького были неотрывны друг от друга и восторженная симпатия, и горячее участие, и соперничество, и философско-мировоззренческое противостояние, завершившееся разрывом. Горький сыграл важную роль в лит. судьбе А., оказав ему поддержку в творческом становлении.

В 1901 горьковское изд-во «Знание» выпустило первую книгу А. «**Рассказы**». Она имела большой читательский успех и разо-

шласть гигантским тиражом. Творчество писателя вызвало сочувственные отклики ведущих лит. знаменитостей, среди которых были Л. Толстой, А. Чехов, Н. Михайловский. А. сразу же выдвинулся в первый ряд литераторов и на протяжении 1900-х оставался самым известным — «сенсационным» — русским писателем.

Начав как автор рассказов реалистического бытового содержания, связанных с традициями Н. Помяловского и Г. Успенского («Из жизни штабс-капитана Каблукова», «Случай», «Алеша-дурачок», «В Сабурове» и др.), А. быстро пришел к мысли о необходимости новых — предельно выразительных — средств худож. воздействия на читателя. К 1899–1901 относятся обратившие на себя внимание современников рассказы, в которых А. стремится придать громкое звучание любовной драме героя («Ложь», «Смех»), выразить сверхличное смятение и ужас свидетеля пожара («Набат»), дать картину человечества перед стеной всех неразрешимых проблем жизни («Стена»). В этих произведениях А. экспериментировал с экспрессивной стилистикой, насыщенной фантазмагориями и гротеском. Это направление его творчества получило впоследствии дальнейшее развитие, что, однако, не отменяло и работы над произведениями, тесно связанными с классической традицией. А. всегда работал в разных стилиевых регистрах, неизменным оставался его страстный интерес к «проклятым вопросам» жизни и смерти, загадкам внутреннего мира человека. Писателем владело предчувствие невиданных социальных потрясений и ощущение роковой зависимости человека от сил, стоящих выше его.

В рассказах «Бездна» и «В тумане» (оба — 1902) А. изображает ситуации, в которых противоречивость совр. человека мгновенно оборачивается ужасным исходом. Изнасилование Немовецким любимой девушки и убийство Павлом Рыбаковым проститутки — это не просто патологические эксцессы; по мысли автора, это еще и знак неблагополучного состояния общества в целом. Общественное неблагополучие и душевное неблагообразие в мире А. отражаются друг в друге, взаимно усиливаясь. В таких произведениях, как «Рассказ о Сергее Петровиче» (1900), «Мысль» (1902) и «Призраки» (1904), в центре внимания — личность героя, история его сознания. Сергей Петрович, оставаясь в высшей степени заурядным человеком, представляет собой и совершенно исключительное явление. Это своего рода гений страдания, возникающего

в результате бескомпромиссного осмысления личной посредственности и социальной ущербности. Сознанием героя овладевает мираж абсолютной свободы. Герой попадает в полную зависимость от философской идеи Ницше, что и приводит его к самоубийству. В «Мысли» главный герой отрицает границу между добром и злом, индивидуализм вошел в его плоть и кровь, а его оружием становится изолированная от нравственных принципов, изощренная в логических хитросплетениях мысль. Автор противопоставляет позиции Керженцева вечные ценности жизни: долготу женщины и простоту ребенка. В их живом мерцании интеллектуальный блеск Керженцева тускнеет и становится очевидной беспочвенность его умственных блужданий. Действие рассказа «Призраки» развивается в двух замкнутых мирах: сумасшедшем доме и ресторане «Вавилон», куда время от времени отправляется доктор Шевырев. Сумасшедшие в «Призраках» — это те, кто уже не может воспринимать мир многоцветным. Для них осталась лишь одна его сторона. Безумными в рассказе оказываются нормальные в сущности свойства человека, доведенные до крайней степени интенсивности.

Значительного худож. эффекта добился А. в рассказах «Жизнь Василия Фивейского» (1903) и «Вор» (1904). Василию Фивейскому, захолустному священнику, ставшему жертвой многочисленных несчастий, предстоит решать вопрос о том, что представляют собой трагические закономерности его судьбы: могучую и благую в своем таинственном замысле волю Провидения или холодный, жестокий и вызывающе бесчеловечный Рок. Фивейский пытается стать посредником между землей и небом, тем, чьими руками Бог совершит чудо воскрешения из мертвых. Фивейский гибнет, но и в самой гибели он воплощает мучительный вопрос, связанный с теми потрясениями, которые раздирали религиозное сознание на рубеже веков. В рассказе «Вор» лирической темой оказывается одиночество героя. Федор Юрасов, вор, трижды судившийся за кражи, скрываясь от полиции, принимает имя и облик молодого немца Генриха Вальтера. Постепенно в душе Юрасова-Вальтера рождается ощущение полной отверженности, и перед читателем возникает образ неизбывного одиночества, тоскующей человеческой души, затерянной в мире. «Мне неважно, кто „он“ — герой моих рассказов: поп, чиновник, добряк или скотина, — отмечал писатель. — Мне важно только одно — что он человек и как таковой несет одни и те же тяготы жизни». Рассказ произвел

сильнейшее впечатление на А. Блока, посвятившего его разбору несколько вдохновенных страниц в статье «Памяти Леонида Андреева» (1919; опубл. в 1922).

Важной особенностью творчества А. было то, что, будучи писателем социально ангажированным, захваченным вопросами общественного устройства, войны, революции, он в то же время стремился оставаться независимым «внепартийным» художником. Мирозренческая позиция писателя основывалась на отвлеченном гуманизме, не подчиненном политической прагматике. Рассказ **«Красный смех»** (1905) стал откликом на события русско-японской войны, экспрессивной фантазией по мотивам газетных репортажей. Рассказ изобилует фантазмагорическими картинками и натуралистическими деталями, призванными вызвать у читателя ужас и отвращение к войне и насилию вообще.

В повести **«Губернатор»** (1906) А. рисует историю царского сановника, отдавшего приказ о расстреле рабочей демонстрации. Преступление губернатора потрясло людей: в народном сознании он стал уже не просто представителем власти, а преступником, убийцей. Это мнение проникает в сознание губернатора. Его начинают терзать мысли о крестах, которые были на Иванах и его тезках Петрах; он почти бессознательно приобщается к точке зрения народных масс на злодейство, совершенное по отношению к братьям по вере и крови. Формула воздаяния за содеянное — «кровь за кровь», образ Закона-Мстителя выражает веками складывавшееся в коллективном народном сознании представление о неотвратимости кары за убийство. Губернатор сам идет навстречу возмездию, и оно свершается. Однако А. предлагает традиционно-гуманистическое решение проблемы. Смысловой акцент падает на последнюю фразу повести: «Гимназисточка плакала». Девушка, писавшая в письме губернатору: «Вы тоже несчастный человек, достойный сожаления», представляет другую грань народной совести: милосердие, отзывчивость к мукам раскаявшегося преступника.

Замечательным творческим достижением А. стал рассказ **«Так было»**, писавшийся в разгар московского восстания в окт. 1905. Писатель создал притчу о власти и рабстве, о грозной силе инерции в движении человечества от одной формы к другой. В рассказе народ, поднявшийся на восстание, погружается в пучину хаоса и кровавой смуты. Произведение звучит предупреждением об огромной силе закрепленных в сознании людей тысячелетних привычек тирании и рабства.

С 1905 А. выступает также как драматург; в дальнейшем его худож. поиск шел и в прозе, и в драме с равной интенсивностью. В пьесе **«К звездам»** (1905) А. сопоставляет социальную революцию и «революцию духа» как два неразрывных начала в едином движении человечества к высшим ценностям. Пьеса **«Савва»** (1906) посвящена изображению анархического бунта героя против предрассудков и фетишей, владеющих сознанием толпы. Обе эти пьесы проникнуты духом романтического максимализма, хотя не лишены и элементов объективного анализа революционного бунтарства.

Поражение революции, на которую А. возлагал демократические надежды, обострило интерес писателя к проблеме отдельного рядового человека и народной массы в целом. Этому во многом посвящен замысел повести **«Иуда Искариот и другие»** (1907). Он сложился под непосредственным впечатлением от поражения Свеаборгского восстания (июль 1906), свидетелем которого был А.: «Революция тем хороша, что она срывает маски,— и те рожи, что выступили теперь на свет, внушают омерзение. И если много героев, то какое огромное количество огромных и тупых скотов, сколько равнодушного предательства, сколько низости и идиотства. <...> Можно подумать, что не от Адама, а от Иуды произошли люди — с таким изяществом и такою грацией совершают они дело массового хриstopродавства». Содержание произведения романтически дерзновенно и полно вызова «среднему» человеку; «это раньше всевозгневная и яростная сатира, обличение вечно-го мирового уклада, допустившего и беспрепятственно допускающего куплю-продажу Бога» (К. Чуковский). Во взгляде А. на ход мировой истории наметился сдвиг в сторону отчаяния и мрачности. А. полагал, что предательскую косность не растопить ни светом, ни ядом и желчью. В пору тяжелых испытаний А. воспринимал всю историю человечества как единство мятежных порывов и предательских срывов — позиция, предвосхищающая воззрение экзистенциальной философии, ставшей одним из ведущих мирозерцаний XX в.

Важной вехой творческой судьбы А. стал скандально известный рассказ **«Тьма»** (1907). Его герой — террорист, укрывшийся от сыщиков в публичном доме,— приходит к мысли о том, что должен уйти во «тьму», к отверженным, заблудшим и падшим людям, представителям самого «дна» жизни. Прежнюю свою революционную деятельность, прошедшую под знаком избранничества и героизма, террорист расценивает как проявление

ние гордыни и идейной схоластики, противопоставляя ей подлинно «народные» способы борьбы (вселенский бунт). Рассказ вызвал резкое осуждение со стороны социал-демократической критики (А. В. Луначарский) и разрыв отношений с М. Горьким.

Знаменитый **«Рассказ о семи повешенных»** (1908) был написан под впечатлением неудачного покушения на министра юстиции Щегловитова, совершенного эсерами. С его участником, астрономом В. В. Лебединцевым (прототип Вернера) А. был лично знаком. В сюжетную основу рассказа легли также обстоятельства уголовных преступлений, почерпнутые писателем из газетной хроники. Наряду с Л. Толстым и В. Короленко А. стремился «указать на ужас и недопустимость смертной казни при всяких условиях». Фабула рассказа построена по принципу цепной реакции: попытка убить одного человека приводит к смертному приговору пятерым людям; насилие, продвигаясь по замкнутому кругу, захватывает в свою орбиту все большее число людей. Вслед за министром и террористами А. изображает уголовных преступников — Янсона и Цыганка. Писатель воплотил в рассказе мысль о всеобщей ответственности людей друг за друга, идею, воспринятую в русле традиций великих предшественников — Толстого и Достоевского. Тема смертной казни в произведении продолжена темой смерти. Для одних героев близость смерти несет с собой полное отрицание личности, торжество слепого материального начала. Для других ожидание смерти становится обретением трагического опыта, утверждающего личность на новых основаниях. Писатель показывает смертельную тяжесть «проклятых вопросов» для сознания, замкнутого в самом себе, отъединенного от мира. В то же время ощущение своей связи с обществом, историей, вечностью уничтожает убийственное представление человека о себе как отдельной песчинке, затерянной в мироздании, и дает силы противостоять даже ужасу смерти.

Во второй половине 1900-х А. создал экспериментальные пьесы **«Жизнь Человека»**, **«Царь-Голод»**, **«Анатэма»** и близкие к ним по худож. манере **«Океан»**, **«Черные маски»** и теоретически обосновал в письмах и интервью эстетические принципы новаторской драмы, получившие определение «неореалистического» театра. А. обратился к созданию совр. мистерии, в которой на сцену были выведены вечные сущности жизни: Человек, Рок, Голод, Смерть, Стихия, Маска. Творческий поиск А. был продиктован жела-

нием создать широкие обобщения явлений действительности и выразить их в предельно заостренной форме. Постановки пьес А. К. С. Станиславским, В. И. Немировичем-Данченко и В. Э. Мейерхольдом стали яркими событиями театральной жизни России, а сам драматург явился зачинателем эстетики экспрессионизма в мировой драматургии.

Для А. важное значение имела проблема лишенного нравственных устоев рационализма; его писатель считал одной из черт мещанского сознания. А. видел в нем угрозу и духовной свободе человечества, и делу его социального освобождения. Анализ рационалистического имморального сознания, связанного с открытием «подпольного» хаоса в душе героя, посвящена повесть **«Мои записки»** (1908).

1900-е стали временем наивысшего общественного признания творчества А., когда каждое его произведение вызывало волну горячего интереса публики и бурю отзывов критики. В последующие годы лит. репутация А. несколько тускнеет: он остается знаменитым писателем и драматургом, однако мода на А. постепенно проходит. Писатель болезненно переживал охлаждение публики и враждебность критики, тем более что сам он до конца сохранял энергию творческого поиска. В 1910-е А. преимущественно работал для театра, после того как роман **«Сашка Жегулев»** (1911), на который он возлагал большие надежды, не вызвал общественного сочувствия. Роман, стилизованный в духе жития о революционном подвижнике, принесшем в жертву народу свою юность и чистоту, стал последним произведением писателя о революции.

В 1912–14 А. опубликовал **«Письма о театре»**, в которых сформулировал худож. принципы «панпсихической» драмы. Исходя из представления о том, что главным героем совр. жизни является мысль, А. декларировал театр интеллектуальных переживаний, углубленного психологического анализа и изображения душевной жизни в единстве ее сознательного и подсознательного начал. Эстетика «панпсихе», становление которой шло уже в драмах **«Анфиса»** (1909), **«Профессор Сторицын»** (1913) и **«Екатерина Ивановна»** (1913), воплотилась в пьесах **«Мысль»** (1914), **«Собачий вальс»** (1916), **«Реквием»** (1917), отмеченных сочетанием точно рассчитанного интеллектуализма и особого авторского лиризма. «Панпсихические» драмы А. отличаются горькая нота щемящего одиночества, страдания и неразделенной тоски.

Рассказы 1910-х («Ипатов», «Герман и Марта», «Полет», «Жертва», «Два письма») во многом близки ранним реалистическим бытовым произведениям писателя. А. возвращается к традиционным формам психологического письма, наполняя их новой глубиной и остротой трагического осмысления жизни. Писатель утвердился в мысли о кардинальном значении личной воли человека к добру или злу, что обострило его интерес к собственно психологическим проблемам.

Общественная позиция А. в последние годы его жизни определялась отношением к вопросам войны и революции. Разразившаяся Первая мировая война вызвала у А. подъем страстных патриотических настроений. В военной публицистике писатель отстаивал необходимость войны до победы над Германией. А. полагал, что победа приведет к европейской революции, созданию разумного, прочного и демократического порядка, в котором не будет места деспотизму и насилию. В повести «Иго войны» (1916), имеющей подзаголовок «Признания маленького человека о великих днях», А. намечает гуманистическую утопию духовного преображения человечества путем разрешения всех противоречий жизни в самом сознании человека. Эти надежды, казалось бы, нашли подтверждение в ходе бескровной Февральской революции, которую А. восторженно приветствовал. Однако дальнейший ход событий не оставил от утопических чаяний А. камня на камне. Вместо организованной демократии и строгой законности России в результате октябрьского переворота ожидала большевистская диктатура, против которой А. боролся до последнего дня своей жизни силой печатного слова. А. переживал случившееся как личную и национальную трагедию. Последнее его произведение роман «Дневник Сатаны» (1919) отличает мысль о том, что зло в совр. мире торжествует, подчинив себе и красоту, и любовь, проникнув во все поры человеческого существования.

В 1908 А. поселился в финской д. Ваммельсу; в 1916–17 возвратился в Петроград, но после свершения октябрьского переворота снова уехал в Ваммельсу; скончался в д. Нейвала; в 1956 перезахоронен на Волковом кладбище в Петербурге.

Судьба и личность А. исполнены некоей тайны, которую предстоит разгадывать каждому, кто соприкасается с его творчеством. А. стремительно ворвался на российскую лит. сцену, завоевал сердца многочисленных читателей и внес смятение в их умы. Читающая Россия была оглушена успехом и славой пи-

сателя, его произведения ниспровергали устои, твердили о непрочности существующего миропорядка, предупреждали, что ужас при дверях и все возможно в потрясенной до основания стране. Восторг мятежа — вот ощущение, которое прежде всего утвердилось в сознании читателя его произведений. Между тем в тени оставался вопрос о том, какие же ценности существуют для самого А., что утверждает он своим творчеством, что составляет для писателя идеал и есть ли он вообще. Загадка творчества А. была не только не разгадана его современниками, но и осталась своеобразным секретом для последующих читателей.

Судьба А. была отмечена яростным поиском смысла жизни и своего места в ней, мечтой о гармонизации собственного внутреннего мира и окружающей действительности. Место А. в русской классике утверждается приоритетом в постановке писателем самых острых и дерзновенных философских и психологических вопросов. Выдающийся художник, искавший новых форм, А. оставался выразителем традиционных — а не «модернизированных» — идеалов русской лит-ры.

Соч.: Повести и рассказы. М., 1971. Т. 1–2; СС: в 6 т. М., 1990–95.

Лит.: Чуковский К. И. Л. Андреев большой и маленький. СПб., 1908; Львов-Рогачевский В. Две правды. Книга о Л. Н. Андрееве. СПб., 1914; Дрягин К. В. Экспрессионизм в России (Драматургия Андреева). Вятка, 1928; Бабичева Ю. В. Драматургия Андреева эпохи первой русской революции. Вологда, 1971; Григорьев А. Л. Л. Андреев в мировом лит. процессе // Русская лит-ра. 1972. № 3; Келдыш В. А. Русский реализм начала XX в. М., 1975. С. 212–264; Иезуитова Л. А. Творчество Андреева (1892–1906). Л., 1976; Муратова К. Д. Л. Андреев // История русской лит-ры. Л., 1983. Т. 4; Муратова К. Д. Андреев-драматург // История русской драматургии. Вторая половина XIX — начало XX в. (до 1917). Л., 1987; Беззубов В. И. Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллин, 1984; Дэвис Р. Леонид Андреев // История русской лит-ры. XX век. Серебряный век. М., 1995.

С. Ю. Ясенский

АННЕНКОВ Юрий Павлович (псевдоним Борис Темирязев) [23.7(4.8).1889, Петропавловск-Казахстанский — 12.7.1974, Париж] — прозаик, художник, мемуарист.

Отец А. принадлежал к известной дворянской фамилии, был в родстве с приятелем Н. В. Гоголя П. А. Анненковым. Однако как член террористической организации партии «Народная воля» после убийства Александр-